

Приложение II.
Переводы призеров конкурса в юбилейном 2015 году

Аспиранты

1-е место

Анастасия Мосинец

аспирантка 1-го года обучения славянского отделения филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Антонина Тверицкая

аспирантка 1-го обучения славянского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)

Специалисты, бакалавры, магистранты

1-е место

Григорий Арзаманов

студент 2-го курса факультета иностранных языков и регионоведения (отделение «Лингвистика и межкультурная коммуникация») МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПЕРЕВОД АНАСТАСИИ МОСИНЕЦ

ДЕЯН ЕНЕВ

ЛОМБАРД

Колокольчик на ручке двери прозвенел. Калин Бандеров поднял взгляд от огромного, словно карта бывшего Советского Союза, кроссворда, над которым ломал голову с самого утра, и посмотрел на вошедшего. Это была старушка, прозрачная, будто паутинка, и такая худенькая, что, казалось, с трудом выдерживает тяжесть больших деревянных пуговиц своего пальто. Калин Бандеров окинул ее оценивающим взглядом и едва смог скрыть досаду. Таких, как она, в последнее время развелось слишком много. Они с невероятным упорством откапывали бог знает из каких пыльных тайников никому не нужные вещи, которые были дороги только им самим: заколки, наперстки, кошелечки, скатерки с целующимися голубями, чернильницы, мундштуки, утиные перья, жестяные браслеты – имитация золота, и с горячностью бедняков пытались их заложить или же сразу продать. Помимо всего прочего, они требовали отчаянно высокие суммы, и иногда Калин Бандеров не выдерживал и кричал на них. Эти несчастные людишки не могли понять, что те чувства, которые они десятилетиями вкладывали в эти вещи, сами по себе не стоят и ломаного гроша.

Бабулька робко подошла к старинному ореховому бюро, за которым расположился Калин Бандеров. Семена по мозаичному полу, она все пыталась извиниться за причиненное беспокойство.

– Это ведь ломбард? – уточнила старушка, остановившись у дальнего края огромного орехового бюро. Она была такая маленькая, что напоминала стоящую на столе фарфоровую фигурку, поблекшую от времени и потрепавшуюся от старости.

– Да, госпожа.

– Извините, не расслышала.

– Да, все верно, это ломбард!

– А какие вещи вы принимаете в залог?

– Разные, госпожа.

– А старые вещи вы случайно не принимаете?

– Смотря какие, госпожа. Лучше дайте мне взглянуть, о чем идет речь.

– А сколько бы платите, простите?

Калин Бандеров секунду поколебался, не выставить ли бабульку сразу, но все-таки решил еще немного поиграть в любезность.

– Если данная вещь, госпожа, новая или в идеальном состоянии, мы договариваемся с вами о размере суммы, которая соответствует ее реальной стоимости, и от этой суммы, но опять-таки подчеркиваю, в зависимости от состояния вещи, я могу вам дать от 10 до 50 процентов. Срок погашения займа – тридцать дней плюс льготный трехдневный срок. Если вы придете в рамках этого периода, но, скажем, не сможете выкупить вещь, вы получаете возможность за определенную сумму продлить срок выкупа еще на месяц. Если вы и тогда не сможете ее выкупить, она переходит в собственность ломбарда. Мы располагаем типовыми договорами, в которых прописаны эти условия. Договор подписывается в двух экземплярах, для каждой из сторон.

Старушка внимательно его слушала, и ее глаза, глубоко посаженные в темно-фиолетовые глазницы, то ли поблескивали, то ли слезились, как два зеркала с осыпавшейся от времени амальгамой.

– Я кое-что принесла, – сказала она наконец.

Калин Бандеров бессознательно напряг мышцы ног, будто готовясь к прыжку. Тяжелая золотая цепь на его правом запястье, словно анаконда, легла на полированную поверхность стола. Шанс, что старушка покажет что-нибудь действительно ценное, был один на тысячу, но ноздри Калина Бандерова раздулись от охотничьего азарта.

Бабулька пошарила в потрепанном кармане пальто и вытащила что-то плотно завернутое в газету. Она медленно, дрожащими руками начала разворачивать бумагу. Потом резко перевела дыхание и положила перед Калином Бандеровым неопишуемой красоты золотые карманные часы «Омега».

Калин Бандеров знал толк в ценных вещах. Их он покупал сразу, даже если владельцы знали реальную стоимость или догадывались о ней, потому что потом, по идеально разработанному каналу, он продавал эти вещи на Запад, где их цена уже возрастала, по меньшей мере, раз в десять.

– Эти часы принадлежали моему мужу, – протянула как-то нараспев старушка, будто столько раз уже рассказывала эту историю, что она в конце концов превратилась в песню. – А он получил их от своего отца. На внутрен-

ней стороне крышки есть гравировка, можете посмотреть. Мой муж, пусть земля ему будет пухом, был врачом. У него был вкус к изысканным вещам. Знали б вы только, с каким достоинством носил он эти часы в кармане жилета! Когда мой муж хотел узнать время, он вставал, – никогда не смотрел на часы сидя, – щелкал крышечкой и не меньше минуты с наслаждением вглядывался в циферблат. У меня всегда было ощущение, что как он любит часы, так и весь мир в этот миг любит их.

Слушая рассеянно рассказ старушки, Калин Бандеров бережно вертел дорогую вещь в руках и уже прикидывал ее стоимость в долларах. Он щелкнул крышечкой, и та красиво отскочила вверх. На ее внутренней стороне виднелась мелко выгравированная надпись. Калин Бандеров прочел ее один раз, а потом еще и еще. «Моему сыну Калину Бандерову – с надеждой и упованием». Он ничего не мог понять. Когда он поднял глаза, старушки уже не было. Она ушла. Странное дело, даже колокольчик не прозвенел.

ПАЛМИ РАНЧЕВ

СКРИПАЧИ

Остается еще два-три часа до закрытия ночных заведений – баров, стриптиз-клубов, круглосуточных пиццерий и пивных, – время, когда улицы наиболее безлюдны. Но и тогда на улице Графа Игнатъева кто-нибудь есть. Скамейка перед новыми магазинами напротив школы № 6 освещена. Почти как на сцене. Я подошел поближе и разглядел музыканта. Лысеющий старик в костюме из толстого бархата сидит на скамейке. В руках он держит детскую скрипку. Послышались пискливые звуки. Вскоре появилась и другая публика. С тротуара напротив, где расположены пустые в это время базарные лотки, к нему подходила дородная мадам. Она шла неровной походкой, прихрамывая. Старик, который пиликал на скрипке, будто непрерывно ее настраивал, не обратил на нее внимания. Даже когда она остановилась перед ним.

– У тебя же детская скрипка, – заметила она. – Не знаю, есть ли у меня право тебе это говорить. А впрочем, я уже сказала. Она детская.

– Я ребенок. Потому и детская.

– Сколько тебе лет?

– Какая разница? Я ребенок.

Я спрятался в полутьме боковой улочки. Однако я уверен, что даже если я подойду, будет то же самое. Эти двое продолжат разговор, как будто меня нет.

– Когда-то и я могла, – говорит мадам.

– Что могла?

– Играть, как ты.

– Я только учусь, – ответил дед. – Вряд ли когда-нибудь научусь.

Старик, охваченный внезапным порывом, уверенно приладил скрипку под подбородком, поднял смычок над головой, замер на миг и темпераментно заиграл.

– Ты уже научился, – сказала мадам и радостно всплеснула руками. – Ты прекрасно играешь.

– Нет, нет! – возразил дед и прервал игру. – Я еще учусь. Я на полпути.

– Ты дашь мне попробовать? Я же сказала, что когда-то умела играть.

Старик отрицательно покачал головой. Его рука со смычком снова взмыла над головой в широком жесте, и он сыграл свой ответ. Еще раз покачал головой. Снова запиликал, когда она протянула ему банкноту.

– Я только попробовать.

– Нельзя.

– А за деньги?

Старик упрямо смотрел в сторону. Я уже отошел, когда снова услышал звуки скрипки. Я не мог сказать наверняка, кто из них играет.

ПЕРЕВОДЫ АНТОНИНЫ ТВЕРИЦКОЙ

ДЕЯН ЕНЕВ

ЛОМБАРД

Колокольчик, подвешенный к дверной ручке, зазвенел. Калин Бандеров оторвался от огромного, как карта бывшего Советского союза, кроссворда, над которым он бился с самого утра, и поднял глаза на посетителя. Посетителем оказалась старушка, прозрачная, как паутина, и такая тщедушная, что казалось, она может не выдержать тяжести больших деревянных пуговиц своего пальто. Калин Бандеров окинул ее взглядом и, сразу все поняв, с трудом скрыл досаду. Таких, как эта старушка, в последнее время развелось слишком много. С невероятным упорством они выкапывали из бог знает каких складок времени никому не нужные вещи: заколки, наперстки, кошелечки, скатерки с целующимися голубками, чернильницы, мундштуки, гусиные перья, дешевые браслеты под золото. Все это барахло могло быть ценным только как память для них самих, но они настойчиво, как все бедняки, старались его заложить или сразу продать. К тому же цена, которую они называли, была безнадежно высокой, так что порой Калин Бандеров не выдерживал и начинал кричать. Эти несчастные никак не могли понять, что чувства, которые они десятилетиями вкладывали во все эти предметы, сами по себе не стоят и ломаного гроша.

Старушка робко подошла к антикварному столу из орехового дерева, за которым расположился Калин Бандеров. Семена по мозаичному полу, она несколько раз попыталась извиниться за причиненное ею беспокойство.

– Скажите, это ломбард? – спросила она, остановившись у дальнего края огромной столешницы. Старушка была такой крошечной, что отсюда напоминала фарфоровую статуэтку, поблекшую и потрескавшуюся от времени.

– Да, слушаю вас.

– Извините, я плохо слышу.

– Да, это ломбард!

– А какие вещи вы принимаете в залог?

– Разные.

– А старые вещи вы случайно не принимаете?

– Зависит от того, что за вещь. Приносите, я посмотрю и тогда вам скажу.

– Извините, а сколько вы за них даете?

Калин Бандеров секунду поколебался, может, стоит сразу выставить старушку, но решил еще немного поиграть в любезность.

– Если вещь новая или в идеальном состоянии, то мы с вами договариваемся о размере суммы, которая отвечает ее реальной цене. От этой суммы, но повторяю, с учетом состояния вещи, я могу дать вам от 10 до 50 процентов. Срок возврата займа – тридцать дней плюс три дня в подарок. Если вы придете до окончания этого срока, но, к примеру, у вас не будет возможности выкупить вещь, то за определенную плату вы сможете отложить выплату еще на один месяц. Если и тогда вы не выкупите вещь, то она станет собственностью ломбарда. У нас есть образец договора, в котором указаны все условия. Договор подписывается в двух экземплярах, для каждой из сторон.

Старая женщина внимательно слушала. Ее запавшие глаза под темно-фиолетовыми веками блестели или, может быть, слезились, напоминая два зеркальца с потрескавшейся амальгамой.

– Я кое-что принесла, – сказала она наконец.

Калин Бандеров машинально напряг мышцы ног, будто готовясь вскочить. Тяжелая золотая цепочка на его правом запястье легла на полированный стол, словно анаконда. Шанс, что старушка покажет что-то действительно стоящее, был один к тысяче, но инстинкт охотника заставил ноздри Калина Бандерова раздуться.

Старушка порылась в обтрепанном кармане пальто и достала оттуда нечто, завернутое в несколько газет. Медленно, дрожащими руками она начала разворачивать бумагу. Потом вдруг глубоко вздохнула и положила перед Калином Бандеровым необыкновенной красоты карманные часы «Омега».

Калин Бандеров разбирался в дорогих вещах. Их он выкупал сразу, даже если хозяева знали или догадывались об их реальной цене, и по хорошо отлаженному каналу продавал на Запад, где их цена возрастала по меньшей мере в десять раз.

– Эти часы принадлежали моему мужу, – сказала старушка немного нараспев, как будто рассказывала эту историю столько раз, что история уже сама собой превратилась в песню. – Он получил их от своего отца. На крышке внутри есть надпись, можете посмотреть. Мой муж, царствие ему небесное, был врачом. У него был вкус к изысканным вещам. Видели бы вы, с каким достоинством он носил эти часы в жилетном кармане. Когда он хотел узнать, который час, то обязательно вставал – он никогда не смотрел на часы сидя, – со щелчком открывал их и целую минуту с наслаждением всматривался в циферблат. Мне всегда казалось, что когда он вот так любовался часами, весь мир любовался им самим.

Рассеянно слушая рассказ старушки, Калин Бандеров нежно поглаживал дорогую вещь и уже прикидывал ее цену в долларах. Он нажал на пружинку, и крышка часов, щелкнув, плавно открылась. Внутри была искусная гравировка. Калин Бандеров прочел надпись, потом прочел ее снова и еще один раз: «Моему сыну Калину Бандерову. Надеюсь и уповаю на тебя». Ничего не понимая, он поднял взгляд на старушку, но ее уже не было. Она ушла. Удивительно, даже колокольчик не зазвенел.

ПАЛМИ РАНЧЕВ

СКРИПАЧИ

За два-три часа до закрытия баров, стриптиз-клубов, круглосуточных пиццерий и пивнушек наступает такое время, когда улицы совсем пустеют. Но даже тогда на Графа Игнатьева можно кого-нибудь встретить. Через дорогу от шестой школы, рядом с новыми магазинами, стоит скамейка. Пятачок земли вокруг нее освещен. Почти как на сцене. Подойдя ближе, я увидел исполнителя. На скамейке сидит лысый старик, одетый в вельветовый костюм. В руках у него детская скрипка. Слышны резкие, немелодичные звуки. Скоро появился и зритель. С той стороны улицы, где стоят пустые в это время лотки, к старику идет толстая тетка. Идет немного вперевалку: она хромает. Старик продолжал возить смычком по струнам, как будто настраивал инструмент, и не обращал на тетку внимания. Даже когда она встала прямо перед ним.

– Это детская скрипка, – заметила она. – Не знаю, имею ли я право тебе это говорить. Хотя я уже сказала. Она детская.

– Я ребенок. Потому и детская.

– Сколько тебе лет?

– Неважно. Я ребенок.

Я спрятался в тени за углом. Но я уверен, что, даже если выйду, ничего не изменится. Они по-прежнему будут разговаривать, как будто меня нет.

– Когда-то и я умела, – говорит тетка.

– Что умела?

– Играть, как ты.

– Я только учусь, – ответил старик. – И вряд ли когда-нибудь научусь.

Вдруг в неожиданном порыве он уверенно поместил скрипку на плечо. Поднял смычок над головой, на мгновение замер и с чувством заиграл.

– Ты уже научился, – воскликнула тетка и радостно всплеснула руками. – Ты так хорошо играешь!

– Нет, нет! – сказал старик и опустил смычок. – Я только учусь. Я на полпути.

– Можно мне тоже попробовать? Я ведь сказала, что когда-то умела играть.

Старик отрицательно покачал головой. Его рука со смычком взметнулась в широком жесте, и он сыграл свой ответ. Еще раз покачал головой. И опять принялся водить смычком по струнам. Тетка протянула ему банкноту.

– Я только попробовать.

– Нельзя.

– А за деньги?

Старик упрямо смотрел в сторону. Я уже уходил, когда снова услышал скрипку. Я не понял, кто из них играет.

ПЕРЕВОДЫ ГРИГОРИЯ АРЗАМАНОВА

ДЕЯН ЕНЕВ

ЛОМБАРД

Прозвенел колокольчик, прикрепленный к дверной ручке. Калин Бандеров оторвал свой взгляд от огромного, величиной с карту бывшего Советского Союза, кроссворда, с которым сражался всю первую половину дня, и посмотрел на вошедшую. Это была старушка, прозрачная, как паутина, и такая слабая, что казалось, она едва выдерживает тяжесть огромных деревянных пуговиц своего пальто. Калин Бандеров одним взглядом оценил ее, и едва ли ему удалось скрыть досаду. Таких, как она, в последнее время нахлынуло слишком много. Они с невероятным упорством откапывали бог знает откуда взявшиеся, никому не нужные вещи, имеющие лишь какую-то сентиментальную ценность для самих владельцев, вроде заколок, наперстков, салфеток с целующимися голубками, портсигаров, жестяных браслетов, побрякушек под золото, и с жаром нищих пытались их заложить или сразу продать. За каждую вещицу они запрашивали отчаянно высокие цены, и иногда Калин Бандеров не выдерживал и начинал кричать. Эти проклятые людишки не могли сообразить, что чувства, которые десятилетиями вкладывались в эти предметы, сами по себе не стоят ни гроша.

Старушка с опаской подошла к старому письменному столу из орехового дерева, за которым расположился Калин Бандеров. Ковыляя по мозаике, она несколько раз пыталась извиниться за причиняемое беспокойство.

– Это точно ломбард? – спросила старушка, встав у дальнего конца огромного письменного стола. Она была такой маленькой, что напоминала поставленную кем-то на столешницу фарфоровую фигурку, с годами потускневшую и потрескавшуюся от старости.

– Да, госпожа.

– Извините, я не расслышала.

– Да, все верно, это ломбард!

– А какие вещи вы принимаете?

– Разные, госпожа.

– А, случаем, старые вещи вы не принимаете?

– Зависит от многого, но будет лучше, если я увижу, о чем идет речь.

– Какие суммы вы предоставляете?

Калин Бандеров на секунду поколебался, не выставить ли старушку за дверь сразу, но все-таки решил еще немного поиграть в вежливость.

– Если предлагаемая вами вещь, госпожа, новая или в идеальном состоянии, мы с вами договоримся о размере суммы, которая соответствует реальной цене. Повторюсь, это сильно зависит от состояния предмета. Я могу дать Вам от десяти до пятидесяти процентов от суммы. Срок погашения займа – тридцать дней, плюс три дня – дополнительный период. Если вы вернетесь до истечения срока, но у вас не будет возможности выкупить вещь обратно, вы сможете за определенную сумму продлить срок еще на месяц. В случае если вы и тогда не сможете выкупить вещь, она станет собственностью ломбарда. У нас есть типовые договоры, в которых прописаны все условия. Договор подписывается в двух экземплярах – по одному для каждой из сторон.

Пожилая женщина слушала его внимательно, и спрятанные глубоко в темно-сиреневых орбитах глаза поблескивали, и, может, даже из них текли слезы, как из двух зеркал с разлитой в них амальгамой.

– У меня есть кое-что – сказала она наконец.

Калин Бандеров бессознательно напряг мускулы ног, будто готовился к прыжку. Увесистая золотая цепочка на его правом запястье сползла как анаконда на отполированную поверхность стола. Шанс, что старуха покажет нечто действительно ценное, был один на тысячу, но от азарта охотника у Калина Бандерова раздулись ноздри.

Старушка сунула руку в истрепанный карман пальто и вынула что-то заматанное в несколько слоев газеты. Она медленно, дрожащими руками начала разворачивать бумагу. Потом вдруг вздохнула и положила перед Калином Бандеровым невероятно красивые золотые карманные часы «Омега».

Калин Бандеров понимал в ценных вещах. Он их скупал сразу же, даже если их владельцы знали или подозревали о реальной стоимости, и переправлял по отработанному каналу на Запад, где цена возрастала как минимум в десять раз.

– Эти часы принадлежали моему мужу, – сказала она как-то певуче, будто столько раз рассказывала эту историю, что история сама по себе в конце концов превратилась в песню. – А ему они достались от его отца. На внутренней стороне крышки выгравирована надпись, можете посмотреть. Мой муж, царствие ему небесное, был врачом. У него был изысканный вкус. Если бы вы знали, с каким достоинством он носил эти часы в кармане жилетки. Когда мой муж хотел узнать время, он вставал. Он никогда не смотрел на часы сидя. Он щелкал крышкой и где-то с минуту с наслаждением вглядывался в циферблат. У меня всегда было ощущение, что когда он любовался своими часами, весь мир любовался им.

Рассеянно слушая, о чем говорит старушка, Калин Бандеров с нежностью вертел дорогую вещицу в руках, прикидывая цену в долларах. Он щелкнул крышкой, и она красиво отскочила вверх. На внутренней стороне была выгравирована миниатюрная надпись: «Моему сыну Калину Бандерову – с надеждой и верой». Ничего не понятно. Когда Калин поднял глаза на старуху, ее не было. Она уже ушла. Удивительно, даже колокольчик не прозвенел.

СКРИПАЧИ

До закрытия всех ночных заведений, баров, стриптиз-клубов и круглосуточных пиццерий с пивными, есть еще пара часов. В это время на улицах меньше всего людей. Но даже в эту пору на Графа кто-нибудь есть. У скамейки перед новыми магазинами, напротив школы № 6, освещение почти как на сцене. Я подошел ближе и увидел исполнителя. На скамейке сидел лысый старик в вельветовом костюме. В руках у него была детская скрипка. Были слышны скрипы. Скоро появилась и другая публика. От противоположного тротуара, где стояли пустые рыночные лотки, шла женщина в теле. Она прихрамывала, походка у нее была слегка рассеянная. Старик пиликал на скрипке, будто ее настраивая, и не обращал на нее никакого внимания. Даже тогда, когда она встала прямо перед ним.

– У тебя детская скрипка, – подметила она. – Не знаю, имею ли я право тебе об этом говорить. Хотя вообще-то я уже это сказала. Детская она.

– Я ребенок, потому и детская.

– Сколько тебе лет?

– Это не важно. Я ребенок.

Я скрылся в тени прилегающей улицы. Но я уверен, что даже если бы приблизился, ничего бы не поменялось. Они бы вдвоем разговаривали, словно меня и нет.

– Я когда-то тоже умела, – сказала женщина.

– Что умела?

– Играть так же, как ты.

– Я только учусь, – ответил старик, – и вряд ли когда-нибудь научусь.

Дед с неожиданным рвением, уверенно положил скрипку себе под бороду, занес над головой смычок, на миг замер и темпераментно заиграл.

– Ты уже научился играть, – сказала женщина и радостно захлопала. – Ты прекрасно играешь!

– Нет, нет! – сказал старик и перестал играть. – Я еще только учусь, я на полпути.

– Дашь и мне попробовать? Я тебе говорю, что я когда-то умела играть.

Старик покачал головой. Рука со смычком снова взмыла широким жестом вверх, и дед сыграл свой ответ. Еще раз покачал головой. Потом снова начал двигать смычком по струнам, когда она протянула ему купюру.

– Просто попробовать.

– Нельзя.

– А за деньги?

Старик настойчиво смотрел куда-то в сторону. Я уже далеко ушел, когда снова услышал скрипку, и я не был уверен, кто из них двоих сейчас играет.